

TOTENHEMD

Was du aus Leichtem wobst,
trag ich dem Stein zu Ehren.
Wenn ich im Dunkel die Schreie
wecke, weht es sie an.

Oft, wenn ich stammeln soll,
wirft es vergessene Falten,
und der ich bin, verzeiht
dem, der ich war.

Aber der Haldengott
rührt seine dumpfeste Trommel,
und wie die Falte fiel,
runzelt der Finstre die Stirn.

Anabasis

Dieses
schmal zwischen Mauern geschriebne
unwegsam-wahre
Hinauf und Zurück
in die herzhelle Zukunft.

Dort.

Silben-
mole, meer-
farben, weit
ins Unbefahrne hinaus.

Dann:
Bojen-,
Kummerbojen-Spalier
mit den
sekundenschön hüpfenden
Atemreflexen —: Leucht-
glockentöne (dum-,
dun-, un-,
unde suspirat
cor),
aus-
gelöst, ein-
gelöst, unser.

Sichtbares, Hörbares, das
frei-
werdende Zeltwort:

Mitsammen.

САВАН

Вытканное тобой из Легчайшего,
ношу я в честь камня.
Крики бужу я во мраке —
и мрак веет навстречу им.

Часто, когда преткнётся язык мой,
оно морщится забытыми складками,
и тот, кто я есмь, прощает
тому, кто я был.

Но бог Наклонной дотрагивается
до самого глухого своего барабана,
и — как складка легла —
мрачный, морщит свой лоб.

Перевод А. Прокопьева

Анабасис

Это
тесно меж стен вписанное
неудобоходимое-истинное
восхождение вспять
в светлое сердцем Сбылось.

Там.

Слого- и
волнорезы, море-
цветы, в даль —
в невидаль — вдающиеся.

Потом:
бакенов,
стонущих бакенов строй,
с теми
дивно-секундно скачущими
дыхательными рефлексами —: свето-
колокольные тоны (дон-,
динн-, одинн-,
unde suspirat
cor), —
из-
изнывающие,
взывающие, наши.

Видимое, слышимое,
освобождаясь —
Свод-Слово:

В Одним.

Перевод А. Прокопьева, Н. Азаровой и Т. Баскаковой

ZUR LAUTE

Das Licht der Pfirsischblüte zaudert,
doch spielt es bald um deine Wange,
daß meiner Spiegel Glas erschauert –
Ich bin und bange.

Mein Bote bietet helle Steine,
die Mond aus Silberschluchten scharre:
dein samtnes Auge kümmern keine –
Ich weiß und warte.

Wenn jener kommt im Veilchenkleide,
steckst du ihm an die Finger Ringe,
schlagst um ihn deiner Arme Seide –

Ich seh und singe.

К Лютне

Свет персика, цветов его, медлит и мается,
но вскоре у твоей щеки ему играть в огне,
так что стекло зеркал моих сломается –
Я есть, и страшно мне.

Мой вестник камешки подносит светлые,
из шахт серебряных их месяц шарит, дуя:
твоим глазам из бархата до них нет дела – и
Я знаю, жду я.

Когда придёт в одеждах из фиалок,
кому на пальцы ты наденешь кольца, часть свою,
и шёлком рук обвеешь в залах –

Увижу я и запою.

Перевод А. Прокопьева

CHANSON EINER DAME IM SCHATTEN

Wenn die Schweigsame kommt und die Tulpen köpft:
Wer gewinnt?

Wer verliert?

Wer tritt an das Fenster?

Wer nennt ihren Namen zuerst?

Es ist einer, der trägt mein Haar.
Er trägt wie man Tote trägt auf den Händen.
Er trägt wie der Himmel mein Haar trug im Jahr, da ich liebte.
Er trägt es aus Eitelkeit so.

Der gewinnt.

Der verliert nicht.

Der tritt nicht ans Fenster.

Der nennt ihren Namen nicht.

Es ist einer, der hat meine Augen.
Er hat sie, seit Tore sich schließen.
Er trägt sie am Finger wie Ringe.
Er trägt sie wie Scherben von Lust und Saphir:
er war schon mein Bruder im Herbst;
er zählt schon die Tage und Nächte.

Der gewinnt.

Der verliert nicht.

Der tritt nicht ans Fenster.

Der nennt ihren Namen zuletzt.

Es ist einer, der hat, was ich sagte.
Er trägt unterm Arm wie ein Bündel.
Er trägt wie die Uhr ihre schlechteste Stunde.

Er trägt es von Schwelle zu Schwelle, er wirft es nicht fort.

Der gewinnt nicht.

Der verliert.

Der tritt an das Fenster.

Der nennt ihren Namen zuerst.

Der wird mit den Tulpen geköpft.

ШАНСОН НЕКОЙ ДАМЕ В ТЕНИ

Когда Безмолвная обезглавить тюльпаны придёт:
Кто выиграет?

Кто проиграет?

Кто подойдёт к окну?

Кто первым окликнет её по имени?

Есть некто, кто мои волосы носит.
Он носит их, как покойницу носят на руках.
Он носит их, как небосвод носил мои волосы в год, когда я полюбила.
Он носит их из тщеславия.

Тот выиграет.

Тот не проиграет.

Тот не подойдёт к окну.

Тот не назовёт её по имени.

Есть некто, кто носит мои глаза.
Он их носит с тех пор, как закрылись врата.
Он их носит на пальце, как кольца.
Он их носит, как черепки наслаждения, как осколки сапфира:
он был мне осенью братом уже;
он считает уже дни и ночи.

Тот выиграет.

Тот не проиграет.

Тот не подойдёт к окну.

Тот последний, кто назовёт её имя.

И есть некто, у кого те слова, что я говорила.
Он их носит, как свёрток подмышкой.
Он их носит, как носят часы самый горестный час свой.

Он их носит от порога к порогу, он не выкинет их ни за что.

Тот не выиграет.

Тот проиграет.

Тот подойдёт к окну.

Тот первым окликнет её по имени.

Тот вместе с тюльпанами не снесёт головы.

Перевод А. Прокопьева

ERINNERUNG

Wie waren die Hände? Ich weiß es nicht mehr.
Sie griffen nach Tulpen. So fanden sie her.
Bis die Tulpen ein Beben befahl.

Da schreckten sie leise zurück in die Nacht.
Seither hat mein Herz bei den Tulpen gewacht.
Doch vergaß ich ihr Fingerspiel.

Doch wie war ihr Haar? Ich weiß es noch kaum.
Sie sagten zuweilen, es sei wie ein Traum.
So ließ ich es über mich wehen.

Doch seitdem mein Kummer schwer darin hing,
nahm sie es schwebend zurück aus dem Ring.
Ich mag keine Wälder mehr sehn.

Und wie war ihr Herz? Ich wußte es nie.
Bis einmal bei Nacht ein Fremder drin schrie.
Den löscht sie mit Tränen aus.

Da ging ich zurück zu den Erlen hin.
Der Weg war aus Glas wie zu Anbeginn.
Und ich baute aus Dunkel dein Haus.

TULPEN

Tulpen, ein leuchtend Gestirn
von Schwermut und süßer Gewalt,
ließ ich, dein Herz zu entwirrn:
findet dein Leben sie bald?

Was in der Kelchen geheim
ein Staubblatt mit Schimmer befahl,
schwört den unsäglichen Reim
für dein wehes Gespiel.

Sind es die Tulpen heut, sieh,
die herrschen im Dämmergemach:
hegst du ein Dunkel noch wie
einst, als ich Rotdorn dir brach?

BILDNIS EINES SCHATTENS

Deine Augen, Lichtspur meiner Schritte;
deine Stirn, gefurcht vom Glanz der Degen;
deine Brauen, Wegrand des Verderbens;
deine Wimpern, Boten langer Briefe;
deine Locken, Raben, Raben, Raben;
deine Wangen, Wappenfeld der Frühe;
deine Lippen, späte Gäste;
deine Schultern, Standbild des Vergessens;
deine Brüste, Freunde meiner Schlangen;
deine Arme, Erlen vor dem Schloßtor;
deine Hände, Tafeln toter Schwüre;
deine Lenden, Brot und Hoffnung;
dein Geschlecht, Gesetz des Waldbrands;
deine Schenkel, Fittiche im Abgrund;
deine Kniee, Masken deiner Hoffart;
deine Füße, Walstatt der Gedanken;
deine Sohlen, Flammengrüfte;
deine Fußspur, Auge unsres Abschieds.

ВОСПОМИНАНИЕ

Что были за руки? Не помню вполне.
Тянулись к тюльпанам. Всё ближе ко мне.
И трепет прошёл по цветам.

Но скрылись испуганно руки во тьме.
Не спит моё сердце – цветы на уме.
Как пальцы играли-то там?

А волосы? Помню их смутно, с трудом.
Видением были они или сном.
Я веять им дал надо мной.

Но стала печаль моя вдруг тяжела,
Взяла из кольца их она, унесла.
И лес зашумел стороной.

А сердце её? Никогда я не знал.
Вдруг ночью в нём кто-то чужой закричал.
И вымыт слезами потом.

И вновь я вернулся к ольховым местам.
Стеклянным путём, как вначале. И там
Из темени выстроил дом.

Перевод А. Прокопьева

ТЮЛЬПАНЫ

Им, чьё созвездье светло:
грусти тяжкой и власти сладкой, -
дал я сердца клубок твоего:
надёшь ли их скорой разгадкой?

То, что в чашечке пестик, в цветке
тайно смог блеском облить,
горькой твоей игре
рифмой клянётся быть.

Тюльпаны ль сегодня в дому
царствуют, полнясь тьмой,
иль сама ты лелеешь тьму,
помня боярышник мой?

Перевод А. Прокопьева

ПОРТРЕТ ОДНОЙ ТЕНИ

Свет-как-след моих шагов – твои глаза...
лоб – изборождённый блеском шаг...
брови – край погильной дороги...
взлёт ресниц – курьеры длинных писем...
волосы – о ворон, ворон, ворон...
щёки – поле Рани на гербе щита...
губы – припозднившиеся гости...
плечи – изваяние Забвенья...
груды – змей моих гремучих други...
руки – две ольхи у входа в замок...
длани – как скрижали мертвых клятв...
чресла – хлеб... и ложесна – надежда...
срамы губ – закон лесных пожаров...
бёдра – крылья реющие в бездне...
и колени – маски превосходства...
ноги – поле битвы разных мыслей...
ног подошвы – пламенные склепы...
след твой – око нашего прощанья.

Перевод А. Прокопьева

VOR EINER KERZE

Aus getriebenem Golde, so
wie du's mir anbefahlst, Mutter,
formt ich den Leuchter, daraus
sie empor mir dunkelt inmitten
splitternder Stunden:
deines
Totseins Tochter.

Schlank von Gestalt,
ein schmaler, mandeläugiger Schatten,
Mund und Geschlecht
umtanzt von Schlummergetier,
entschwebt sie dem klaffenden Golde,
steigt sie hinan
zum Scheitel des Jetzt.

Mit nachtverhangnen
Lippen
sprech ich den Segen:

Im Namen der Drei,
die einander befehlen, bis
der Himmel hinabtaucht ins Grab der Gefühle,
im Namen der Drei, deren Ringe
am Finger mir glänzen, sooft
ich den Bäumen im Abgrund das Haar lös,
auf daß die Tiefe durchrauscht sei von reicherer
Flut –,
im Namen des ersten der Drei,
der aufschrie,
als es zu leben galt dort, wo vor ihm sein Wort
schon gewesen,
im Namen des zweiten, der zusah und weinte,
im Namen des dritten, der weiße
Steine häuft in der Mitte, –
sprech ich dich frei
vom Amen, das uns übertäubt,
vom eisigen Licht, das es säumt,
da, wo es turmhoch ins Meer tritt,
da, wo die graue, die Taube
aufpickt die Namen
diesseits und jenseits des Sterbens:
Du bleibst, du bleibst, du bleibst
einer Toten Kind,
geweiht dem Nein meiner Sehnsucht,
vermählt einer Schrunde der Zeit,
vor die mich das Mutterwort führte,
auf daß ein einziges Mal
erzittre die Hand,
die je und je mir ans Herz greift!

ПЕРЕД СВЕЧОЙ

Из чеканного золота, как
ты велела мне, мама,
сделал подсвечник я, из него
тьмой взматается мне навстречу
среди часа раскалывающегося вслед за часом:
твоего
мертво-бытия дочь.

Узкий силуэт,
миндалевидноглазая тень,
вкруг уст и срамных её губ
танцуют дремотные мошки,
она ж улетает из зияющего золота,
поднимаясь к макушке текущего мига.

Занавешенными на ночь
губами
шепчу я молитву:

Именем Трёх,
что друг с другом враждуют, пока
не опустится небо в могилу надежды,
именем Трёх, чьи кольца
сверкают у меня на пальце, всякий раз,
как я в бездне деревьям распускаю волосы,
чтобы сквозь глубины с шумом промчался поток
побогаче, –
именем первого из трёх,
вскрикнувшего,
когда ему пришлось жить там, где прежде него
побывало его слово,
именем второго, что видел и плакал,
именем третьего, что
белые камни в середине собрал, –
я снимаю с тебя
Аминь, что нас оглушил,
леденящий свет, что его окружил,
там, где он высокий, как башня, заходит в море,
там, где серая, где голубка
клюёт имена
по ту и по эту сторону смерти:
Ты останешься, ты останешься, ты останешься
дочерью одной умершей,
ты, посвященная Нет моей тоски,
обрученная с провалом времени,
пред которое привело меня слово мамы,
дабы единственный раз
дрогнула рука, что давно уж меня за сердце
хватает!

Перевод А. Прокопьева

SONNENWENDE

Die Nacht blüht blau: für wen? für wen?
Was werden wir im Osten sehn?
Die Hecke mit dem Feuerkranz
gebot der Waffe wieder Tanz.

Die Maid, der ich den Schlaf befahl,
schlägt mit dem Herzen an den Stahl.
Der Mond sieht zu – den wer geköpft? –
wie meine Seele Wasser schöpft.

Die Welt die ich mit Blut verbräm,
wacht weiß, ob keiner wiederkäm,
der, nur aus Händen und aus Haar,
der Herzen sanfter Heiland war.

Im Haus, daran das Feuer leckt,
hab ich die Rosenzeit entdeckt.
Sie schläft, von meinen Fäusten welk,
den Schlaf der Liebe im Gebälk.

Dir drüben mal ich unters Kinn
die Wunde die ich selber bin.
Wenn meine Asche deiner gleicht,
ersteht dein Wahres Reich vielleicht.

СОЛНЦЕВОРОТ

Ночь в синь цветёт: кому? ответь?
Зачем нам на восток глядеть?
В венце из пламени опять
терновник стал с мечом плясать.

Я Деве спать велел – не та ль
она, что сердцем бьётся в сталь?
А месяц – кем ссеклась глава? –
глядит: водой Душа жива.

Мир-бел я кровью обрамил,
он ждёт, вернётся ль тот, кто мил
сердцам, Спаситель нежный их
из рук одних, волос одних.

Где языки огня, в дому,
я Время Роз открыл в дыму.
Спит сном любви, увядший ком,
моим зажато кулаком.

Тебе у горла рану я
рисую, Агнец: рана – я!
Мой пепел вровень стань с Твоим,
и Царствие Твое узрим.

Перевод А. Прокопьева

CORONA

Aus der Hand frißt der Herbst mir sein Blatt: wir sind Freunde.
Wir schälen die Zeit aus den Nüssen und lehren sie gehn:
die Zeit kehrt zurück in die Schale.

Im Spiegel ist Sonntag,
im Traum wird geschlafen,
der Mund redet wahr.

Mein Aug steigt hinab zum Geschlecht der Geliebten:
wir sehen uns an,
wir sagen uns Dunkles,
wir lieben einander wie Mohn und Gedächtnis,
wir schlafen wie Wein in den Muscheln,
wie das Meer im Blutstrahl des Mondes.

Wir stehen umschlungen im Fenster, sie sehen uns zu von der Straße:
es ist Zeit, daß man weiß!
Es ist Zeit, daß der Stein sich zu blühen bequemt,
daß der Unrast ein Herz schlägt.
Es ist Zeit, daß es Zeit wird.

Es ist Zeit.

CORONA

Осень ест с моих рук свой же лист: мы – друзья.
Мы лущим из орехов время и учим его ходить:
время снова уходит в скорлупки.

В зеркале – воскресенье,
во сне видишь, как спишь,
истину молвят уста.

Мой глаз опускается к лону любимой:
мы глядим друг на друга,
говорим что-то тёмное,
мы любим друг друга как мак и память,
спим в ракушках вином,
морем – в кровавой струе месяца.

Мы обнявшись стоим у окна, они с улицы смотрят на нас:
время пришло, чтобы знать!
Время камню решиться цвести,
беспокойство чтоб било сердцами,
время – времени наступить.

Время. Время, пора!

Перевод А. Прокопьева

TODESFUGE

SCHWARZE Milch der Frühe wir trinken sie abends
wir trinken sie mittags und morgens wir trinken sie nachts
wir trinken und trinken
wir schaufeln ein Grab in den Lüften da liegt man nicht eng
Ein Mann wohnt im Haus der spielt mit den Schlangen der schreibt
der schreibt wenn es dunkelt nach Deutschland dein goldenes Haar Margarete
er schreibt es und tritt vor das Haus und es blitzen die Sterne er pfeift seine Rüden herbei
er pfeift seine Juden hervor läßt schaufeln ein Grab in der Erde
er befiehlt uns spielt auf nun zum Tanz

Schwarze Milch der Frühe wir trinken dich nachts
wir trinken dich morgens und mittags wir trinken dich abends
wir trinken und trinken
Ein Mann wohnt im Haus der spielt mit den Schlangen der schreibt
der schreibt wenn es dunkelt nach Deutschland dein goldenes Haar Margarete
Dein aschenes Haar Sulamith wir schaufeln ein Grab in den Lüften da liegt man nicht eng
Er ruft stecht tiefer ins Erdreich ihr einen ihr andern singet und spielt
er greift nach dem Eisen im Gurt er schwingts seine Augen sind blau
stecht tiefer die Spaten ihr einen ihr andern spielt weiter zum Tanz auf

Schwarze Milch der Frühe wir trinken dich nachts
wir trinken dich mittags und morgens wir trinken dich abends
wir trinken und trinken
ein Mann wohnt im Haus dein goldenes Haar Margarete
dein aschenes Haar Sulamith er spielt mit den Schlangen

Er ruft spielt süßer den Tod der Tod ist ein Meister aus Deutschland
er ruft streicht dunkler die Geigen dann steigt ihr als Rauch in die Luft
dann habt ihr ein Grab in den Wolken da liegt man nicht eng

Schwarze Milch der Frühe wir trinken dich nachts
wir trinken dich mittags der Tod ist ein Meister aus Deutschland
wir trinken dich abends und morgens wir trinken und trinken
der Tod ist ein Meister aus Deutschland sein Auge ist blau
er trifft dich mit bleierner Kugel er trifft dich genau
ein Mann wohnt im Haus dein goldenes Haar Margarete
er hetzt seine Rüden auf uns er schenkt uns ein Grab in der Luft
er spielt mit den Schlangen und träumet der Tod ist ein Meister aus Deutschland

dein goldenes Haar Margarete
dein aschenes Haar Sulamith

ФУГА СМЕРТИ

ЧЁРНОЕ млечеву рани мы пьём тебя вечером
мы пьём тебя в полдень и утром мы пьём тебя ночью
мы пьём и мы пьём
мы в воздухе роем могилу там не тесно лежать
В том доме живёт человек он играет со змеями ночью он пишет
он пишет стемнеет когда в Германию он Маргарита твои золотые волосы
он пишет их после из дома выходит и звёзды сверкают он свистом зовёт своих кобелей
он свистом евреев своих подзывает велит им лопатами землю
сыграйте он нам приказал и танцуйте давайте

Чёрное млечеву рани мы пьём тебя ночью
мы пьём тебя утром и в полдень мы пьём тебя вечером
мы пьём и мы пьём
В том доме живёт человек он играет со змеями ночью он пишет
он пишет стемнеет когда в Германию он Маргарита твои золотые волосы
Твои пепельные Суламифь мы в воздухе роем могилу там не тесно лежать
Он кричит вгрызайтесь в земные раздолья поглубже эй ты и другой а вы пойте играйте
он железо срывает с ремня он им машет глаза его сини
вгрызайтесь поглубже лопатами эй ты и другой давайте играйте танцуйте

Чёрное млечеву рани мы пьём тебя ночью
мы пьём тебя утром и в полдень мы пьём тебя вечером
мы пьём и мы пьём
В том доме живёт человек Маргарита твои золотые волосы

Твои пепельные Суламифь он играет со змеями
он кричит чтобы слаще играли мы смерть Смерть это немецкий учитель
он кричит темнее водите смычками и дымом подыметесь в воздух тогда
тогда у вас будет могила на небе там не тесно лежать

Чёрное млечиво рани мы пьём тебя ночью
мы пьём тебя в полдень Смерть это немецкий учитель
мы пьём тебя вечером утром мы пьём и мы пьём
Смерть это немецкий учитель глаза его сини
он бьёт тебя пулей свинцовой он метко стреляет
в том доме живёт человек Маргарита твои золотые волосы
он спускает на нас кобелей он нам в воздухе дарит могилу
он играет со змеями он видит сон Смерть это немецкий учитель

твои золотые волосы Маргарита
твои пепельные Суламифь

Перевод А. Прокопьева

WASSER UND FEUER

So warf ich dich denn in den Turm und sprach ein Wort zu den Eiben,
draus sprang eine Flamme, die maß dir ein Kleid an, dein Brautkleid:

Hell ist die Nacht,
hell ist die Nacht, die uns Herzen erfand,
hell ist die Nacht!

Sie leuchtet weit übers Meer,
sie weckt die Monde im Sund und hebt sie auf gischtende Tische,
sie wäscht sie mir rein von der Zeit:
Totes Silber, leb auf, sei Schüssel und Napf wie die Muschel!

Der Tisch wogt stundauf und stundab,
der Wind füllt die Becher,
das Meer wälzt die Speise heran:
das schweifende Aug, das gewitternde Ohr,
den Fisch und die Schlange –

Der Tisch wogt nachtaus und nachtein,
und über mir fluten die Fahnen der Völker,
und neben mir rudern die Menschen die Särge an Land,
und unter mir himmelts und sternts wie daheim um Johanni!

Und ich blick hinüber zu dir,
Feurumsonnte:
Denk an die Zeit, da die Nacht mit uns auf den Berg stieg,
denk an die Zeit,
denk, daß ich war, was ich bin:
ein Meister der Kerker und Türme,
ein Hauch in den Eiben, ein Zecher im Meer,
ein Wort, zu dem du herabbrennst.

ВОДА И ОГОНЬ

Ведь бросил же в башню тебя и тисам я слово сказал,
и вырвалось пламя оттуда, и мерку на платье сняло тебе, платье невесты:

Ясная ночь,
ясная ночь, что придумала нам сердца,
ясная ночь!

И за морем светит далёко,
и будит луны в проливе Зунд и кладёт их на пенящиеся столы,
омывая от времени:
мёртвое, стань живым серебром, миской и плоской стань, словно ракушки!

Стол бушует, волнуется, час за часом,
ветер наполнил бокалы,
море катит нам пищу:
блуждающий глаз, грозное ухо,

рыбу, змею –

Стол бушует, волнуется, ночь за ночью,
надо мной проплывают знамёна народов,
рядом к суше гребёт люд на гробах,
подо мной всё небеснеет и звездится, как дома в Иванов день!

И я гляжу на тебя,
объятую пламенем солнца:
вспомни время, когда ночь вместе с нами на гору взбиралась,
вспомни то время,
вспомни, что был я тем, кто я есть:
мастер темниц и башен,
дуновение в тисах, пьяница в море,
слово, к которому ты упадёшь, догорев.

Перевод А. Прокопьева

ZÄHLE die Mandeln,
zähle, was bitter war und dich wachhielt,
zähl mich dazu:

Ich suchte dein Aug, als du's aufschlugst und niemand dich ansah,
ich spann jenen heimlichen Faden,
an dem der Tau, den du dachtest,
hinunterglitt zu den Krügen,
die ein Spruch, der zu niemandes Herz fand, behütet.

Dort erst tratest du ganz in den Namen, der dein ist,
schrittst du sicheren Fußes zu dir,
schwangen die Hämmer frei im Glockenstuhl deines Schweigens,
stieß das Erlauschte zu dir,
legte das Tote den Arm auch um dich,
und ihr ginget selbdritt durch den Abend.

Mache mich bitter.
Zähle mich zu den Mandeln.

ИСЧИСЛИ миндаль,
исчисли, что горьким было и от сна тебя берегло,
причисли меня к миндалю:

Я глаз твой искал, а ты распахнула его и никто на тебя не взглянул,
я выпрял ту тайную нить,
по которой роса, бывшая мыслью твоей,
стекала в кувшины,
их же клятие берегло, ни к чьему сердцу путей не нашедшее.

Лишь там ты вошла в то имя, что было твоим,
шагнула уверенным шагом к себе,
летали свободно на колокольне била молчания твоего,
Подслушанное торкнулось к тебе,
Мёртвое обняло,
и втроём вы прошли сквозь закат.

Сделай горьким меня.
Причисли меня к миндалю.

Перевод А. Прокопьева